

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
15 (78)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

К УТОЧНЕНИЮ ПОНЯТИЯ ПАССИВНО-ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ В СЕВЕРНОМ НАРЕЧИИ КУРДСКОГО ЯЗЫКА (КУРМАНДЖИ)¹

Пассивно-объектный строй глагола обнаруживается в предложении с переходным глаголом в прошедших временах (т. е. модально-временных формах, образованных от прошедшей основы). В таком предложении подлежащее стоит в косвенном падеже, прямое дополнение — в прямом падеже, а глагол согласован не с подлежащим, а с дополнением: *min tu dît + î* 'я тебя увидел', *te ez dît + im* 'ты меня увидел', *te em dît + in* 'ты нас увидел'. Напротив, в предложении с тем же глаголом в настоящих временах (т. е. модально-временных формах, образованных от настоящей основы) подлежащее стоит в прямом падеже, дополнение — в косвенном, а глагол согласован с подлежащим: *ez te dibîn + im* 'я тебя вижу', *tu min dibîn + î* 'ты меня видишь', *tu me dibîn + î* 'ты нас видишь'.

В предложении с непереходным глаголом во всех временах подлежащее выражено прямым падежом, а глагол согласован в лице и числе с подлежащим: *ez dik'ev + im* 'я падаю', *ez k'et + im* 'я упал'.

Таким образом, для непереходного глагола характерна постоянная падежная принадлежность подлежащего (всегда прямой падеж), тогда как переходный глагол характеризуется переменной падежной принадлежностью подлежащего (прямой падеж при форме настоящего времени, косвенный падеж при форме прошедшего времени). При этом формы подлежащего и прямого дополнения сопряжены: если подлежащее стоит в прямом падеже, дополнение выражено косвенным падежом; если подлежащее выражено косвенным падежом, то дополне-

¹ Доложено 9 декабря 1964 г. на открытом расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР. См. последние работы, специально посвященные этому вопросу: И. И. Цукерман. Очерки курдской грамматики. Объектное и субъектное спряжение переходного глагола. Иранские языки, II, 1950, стр. 81—98; К. К. Курдоев. Объектное и субъектное спряжение переходного глагола в курдском языке. XXV Междунар. конгресс востоковедов, Доклады делегации СССР, 1960; Ч. Х. Бакаев. К вопросу о субъектном и объектном спряжении переходного глагола в курдском языке. Вopr. языкознания, 1960, 4, стр. 103—106; Л. А. Пирейко. 1) Эргативная конструкция в курдском и талышском языках. Краткие сообщ. Института народов Азии, XXX, 1961, стр. 86—94; 2) О нарушениях эргативной конструкции в курдском языке. „Иранский сборник“, М., 1963, стр. 150—158; 3) Эргативная конструкция в северо-западных иранских языках. Автореф. дисс., М., 1964 (о курманджи — стр. 11 сл.).

ние стоит в прямом падеже. Глагол же согласован с тем членом предложения, который выражен формой прямого падежа имени, будь то подлежащее или прямое дополнение.

В курманджи нет способа выразить мысль 'я тебя увидел' иначе, как поставив подлежащее в косвенном падеже, дополнение — в прямом падеже и согласовав глагол с дополнением (но не с подлежащим): *min tu dît + î*. Точно так же нельзя выразить мысль 'я тебя вижу' иначе, как поставив подлежащее в прямом падеже, дополнение — в косвенном падеже и согласовав глагол с подлежащим: *ez te dibîn + im*.

Следовательно, термин „пассивный“ носит в данном случае условный характер, так как пассивно-объектная конструкция не имеет пассивного значения. „Пассивный“ говорит только об особом способе обозначения подлежащего и дополнения, о том, что субъект действия выражен именем в косвенном падеже, а объект действия — именем в прямом падеже, что напоминает предложение с глаголом в страдательном залоге во многих языках. Что касается курманджи, то в этом наречии развивается аналитическая форма страдательного залога с вспомогательным глаголом *hatin* (лексически 'приходить'): *ez hatme kuştinê* 'я погиб', 'я убит'. В просторечии и в фольклоре эта форма образует только двучленное предложение (с подлежащим и сказуемым) и служит, таким образом, только средством интранзитивации переходного значения. Но в этой форме также заложена возможность использования ее для выражения значения страдательного залога, с интерпретацией подлежащего как объекта косвенного воздействия. В литературной речи возможно: *ew bi destî E'slan-begê hate kuştinê* 'он при посредстве Аслан-бека погиб' > 'он убит Аслан-беком'.

Это еще один довод в пользу того, что термин „пассивный“ в отношении конструкции *min tu dîtî* носит условный характер. Недостаточно, однако, обозначить эту конструкцию пассивной (имея в виду косвенный падеж подлежащего и прямой падеж дополнения), важно еще, чтобы термин содержал намек на то, что окончания глагола отражают лицо и число имени в функции дополнения. Этому и служит обозначение „объектный“. С другой стороны, целесообразно ограничиться термином „объектный“, так как останется необозначенным другой признак — косвенный падеж подлежащего и прямой падеж дополнения. Так возникает сложное обозначение — „пассивно-объектный строй“, или „пассивно-объектная конструкция“.

Имеются и другие соображения в пользу такого сложного наименования. В особую группу выделяются глаголы, которые хотя и вызывают косвенный падеж подлежащего, но с прямым дополнением не употребляются, не предполагают прямого дополнения, т. е. являются безобъектными. Таковы, например, глаголы *karibûn* 'мочь', *nihêrîn* 'смотреть', *banz dan* 'прыгать' и др. Они обладают свойством переменной падежной принадлежности подлежащего, но, естественно, не могут обладать объектным спряжением. Например, глагол (*lê*) *nihêrîn* сочетается с косвенным (но не прямым) дополнением, и поэтому возможно

min (li) wan nihêrî 'я на них смотрел', но не *min ew nihêrî +п. Такой глагол по признаку переменной падежной принадлежности подлежащего входит в одну группу с глаголом kuştin 'убивать', т. е. является формально переходным, но он вместе с тем выпадает из этой группы потому, что он безобъектен и, следовательно, его формы ориентированы на подлежащее, являются субъектными, а не объектными.

В безобъектном (субъектном) спряжении глагол формально отражает третье лицо единственного числа (как бы необозначенного прямого дополнения), но по существу эта форма, ориентируясь на субъект, относится ко всем трем лицам, обозначает их обобщенно: min (lê) nihêrî, te (lê) nihêrî, ewî (lê) nihêrî 'я посмотрел', 'ты посмотрел', 'он посмотрел'.

Ряд подобных явлений и в особенности наличие форм переходных глаголов в прошедших временах, явно ориентированных на подлежащее, дали нам повод в свое время сформулировать тезис о наблюдаемой в курманджи общей тенденции к переориентации форм спряжения переходных глаголов в прошедших временах с дополнения на подлежащее;² ср. ewana xezal pe'tin (мн. ч.), goştê wê xarin (мн. ч.) 'они зажарили лань, поели ее мяса'. Ср. точно то же значение в объектном построении, столь же или, может быть, в большей мере нормативном: wana xezal pe't (ед. ч.), goştê wê xar (ед. ч.).

Это также довод в пользу обозначения пассивно-объектной конструкции по двум ее признакам. Но важен в конце концов не термин, а сам факт противоречивости пассивно-объектной конструкции.

В говоре курдов Армении „нарушения“ пассивно-объектного строя касаются главным образом форм глагола, тогда как падежные формы подлежащего и дополнения нормально строго выдержаны. Во всяком случае предложения с прямым падежом подлежащего и тем более с косвенным падежом дополнения при переходном глаголе в прошедших временах расцениваются как ошибочные.³ В других говорах, по-видимому, имеют место и случаи деформации подлежащего и дополнения. Однако и в говоре курдов Армении контаминированное местоимение ewana 'они' (альтернативно: пр. пад. ew, косв. пад. wana) выступает как постоянная форма подлежащего при всех временных формах переходных и переходных глаголов, свободно сочетаясь с формой множественного числа глагола независимо от числа имени-дополнения. Ср. вышеприведенное wana (косв. пад.) xezal pe't и альтернативно: ewana xezal pe'tin; ср. также ew (пр. пад.) çûne mal 'они пошли домой' и альтернативно: ewana çûne mal.

В результате даже в говоре курдов Армении, где сохраняются классические формы пассивно-объектной конструкции (min tu dîtî), рядом

² И. И. Цукерман. Очерки курдской грамматики, стр. 97.

³ Эти вопросы подробно рассмотрены в рукописи Шко Гасана „Явления деформации пассивно-объектного строя в курманджи“, которая находится в Институте языковедения (Ленинград).

с объектными формами спряжения на некоторых участках нормально-уживаются формы субъектные (hersê bira Memê hiştin û çûne mala mîr Sêvdîn 'три брата оставили Маме и отправились в дом мир-Севдина') и рядом с переменной формой подлежащего при переходном глаголе — форма постоянная (ewana xezal pe'tin 'они зажарили лань', ewana xezalê dipêjin 'они жаривают лань'). Следовательно, и в пределах говора курдов Армении на основе анализа нормально функционирующей речи можно сделать вывод относительно противоречивости и неустойчивости пассивно-объектного строя, обуславливающих его склонность к распаду.

I. I. Tsukerman

SPECIFYING THE CONCEPTION OF THE PASSIVE-OBJECTIVE CONSTRUCTION IN THE NORTHERN DIALECT OF THE KURDISH LANGUAGE

The term simultaneously denotes two features typical of the sentence which contains a transitive verb in one of the past tenses: 1) the oblique case of the subject (plus the direct case of the object) and 2) the finite form of the verb agrees with the object and not with the subject: min tu dît+î 'I saw you'.

Other terms (such as passive or ergative construction, objective conjugation) are not so suitable since they refer to only one of the features of the construction, while the other feature remains undefined.
